УДК 82-311.4

ТЕХНОКРАТИЯ ВО ВЛАСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА В АНТИУТОПИЯХ Е. ЗАМЯТИНА, ДЖ. ОРУЭЛЛА И О. ХАКСЛИ

Д.О. Половцев

Аннотация. Антиутопии Е. Замятина, Дж. Оруэлла и О. Хаксли изображают настроения настоящего и картины будущего схоже. Эта трилогия может быть названа «антиутопией середины двадцатого века». Важный момент всех трёх антиутопий в том, чтобы не только показать будущее, к которому мы двигаемся, но и объяснить исторический парадокс. Все три антиутопии – это романы-предупреждения, повествующие о всечеловеческой опасности утраты индивидуальности, возникающей в обществе победившей технократии.

Ключевые слова: Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл, роман-антиутопия, личность, общество, технократия.

«О дивный новый мир» вслед за «Мы» рассказывает о бунте природного человеческого духа против рационального, механизированного, бесчувственного мира; в обоих произведениях действие перенесено на шестьсот лет вперед. Атмосфера обеих книг схожа, в них изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества, хотя у О. Хаксли заметнее влияние новейших биологических и психологических теорий. Для романов Е. Замятина и О. Хаксли характерна также постановка вопроса о соотношении цели и средств, необходимых для преобразования в желаемом направлении такого материала, как человеческая природа.

Вот одна из столбовых вех на пути к торжеству Единого Государства из романа Е. Замятина «Мы»: «Наши предки дорогой ценой покорили, наконец, Голод; я говорю о Великой Двухсотлетней Войне – о войне между городом и деревней. Вероятно, из религиозных предрассудков дикие христиане упрямо держались за свой “хлеб”. Но в 35-м году – до основания Единого Государства – была изобретена наша теперешняя нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара. Зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства» [2, с. 73]. Что же касается антиутопического общества из романа О. Хаксли «О дивный новый мир» – то здесь, например, одной из вех на пути к власти Верховных Контролеров была

«знаменитая Бойня в стенах Британского Музея», когда «две тысячи фанатиков культуры были отравлены дихлорэтиловым сульфидом» [там же, с. 317].

Оба романа пронизывают деформация личности и искоренение из человека человеческого с детства, с младенчества, с рождения. О. Хаксли, как и Е. Замятин, изображает общество, отвергшее мысль об изначальной духовности человека, общество, исповедующее вульгарно-материалистические взгляды на жизнь. Именно такая точка зрения на возникновение и развитие жизни господствует в Инкубационно-Воспитательном Центре. Нравственный идеал заменяется идеалом животным. А, поскольку, это так, то вопрос о значимости жизни неправомерен. Десять нумеров, стёртые с лица земли, приравнены героем романа к «бесконечно малой вселенной».

В изображении рождения и О. Хаксли, и Е. Замятин подчёркивают еще одну важную особенность человека в тоталитарно-технократическом государстве. Он публичен, в его жизни нет тайн: легко сбрасывают с себя одежды и вступают в интимные отношения герои «О дивного нового мира» О. Хаксли, стеклянные жилища героев «Мы» Е. Замятина проницаемы для любого взора. В обоих произведениях члены общества испытывают острейшую потребность в «публичном интеллектуальном и душевном обнажении» [4, с. 20].

О. Хаксли, как и Е. Замятин, видел угрозу человеку не только со стороны научно-технического прогресса, но и со стороны власти. Антиприродность общества, его антидуховность концентрируются в моменте рождения. Продукция Инкубационно-Воспитательного Центра у О. Хаксли расценивается как «улучшение природного процесса». Символом антиприродности «дивного нового мира» является дитя, выращенное в бутыли, передвигающейся по конвейерной ленте из Зала Оплодотворения в Зал Раскупорки. Животорождение становится атрибутом мира животных, а не людей, которые благодаря науке и технике возвысились над природой и одержали над ней победу. Отцовская и материнская Нормы, Воспитательный Завод, наука детоводетва – достижения научно-технического прогресса в романе «Мы».

В романе О. Хаксли каждая особь – это клетка единого общественного организма. В романе Е. Замятина каждый из нумеров осознает себя ребенком не матери, а Единого Государства. Ликвидация семьи и извращение представлений об отцовстве и материнстве становится прямой угрозой и у Е. Замятина, и у О. Хаксли.

Таким образом, сходство романа «Мы» с романом «О дивный новый мир» разительное, хотя, по мнению Дж. Оруэлла, «книга Е. Замятина не так

удачно построена – у нее довольно вялый и отрывочный сюжет, слишком сложный, чтобы изложить его кратко, – она заключает в себе политический смысл, отсутствующий в романе О. Хаксли» [3, с. 307]. У О. Хаксли проблема «человеческой природы» отчасти решена, ибо считается, что с помощью дородового лечения, наркотиков и гипнотического внушения развитию человеческого организма можно придать любую желаемую форму физического и умственного развития. Первоклассный научный работник выводится так же легко, как и полуидиот касты Эпсилон, и в обоих случаях остатки примитивных инстинктов вроде материнского чувства или жажды свободы легко устраняются. Тут не существует ни голода, ни жестокости, ни каких-либо лишений. У верхов нет серьезных причин оставаться на вершине власти, и, хотя в бессмысленности каждый обрел счастье, жизнь стала настолько пустой, что трудно поверить, будто такое общество могло бы существовать.

Дело в том, что роман О. Хаксли увидел свет в 1932 г. Бурное развитие науки и конкретная политическая ситуация требовали иного уровня осмысления. Нацистская пресса обрушивалась на рационализм: «Идея причинности рушится, — писала «Берлинская рабочая газета» – миром снова начинает править вера в судьбу, мир рационализма трещит по всем швам <...>. Люди заменяют логику чувством». Статья называлась «Да здравствует невежество» [8, p. 35]. Это найдет своеобразное преломление в «Дивном новом мире», где роль хранителей выполняет алкоголь, добавляемый в колбы, в которых выращиваются человеческие зародыши. Превентивная промывка мозгов на эмбриональном уровне очень выгодна: не нужно ни шпиков, ни карателей. Террор в молекулярном исполнении трансформирован во всеобщую эйфорию. У Е. Замятина же: «Подчинив себе Голод, Единое Государство повело наступление против другого владыки мира – против Любви <...>. Был провозглашен наш исторический “Lex sexualis”; всякий из нумеров имеет право на любой нумер» [2, с. 113]. У О. Хаксли тоже каждый должен принадлежать каждому. Не запрещаются даже оргии. Секс становится приятным развлечением, дополнительным компонентом химического счастья. Рожденных в колбе «альфа» и «бета» даже слово «мать» вгоняет в краску. Единая Государственная наука, уничтожив любые формы родственных связей, обрекла человека на полное одиночество, а тем самым – на полный коллективизм в структуре системы. «Гвозди», «винтики» должны отвечать стандарту.

Оба романа дополняют друг друга. Иногда кажется, что О. Хаксли острее и резче, например, в расследовании механизмов «нового» искусства: исключительным прозрением стал его «суперпоющий, синтетико-речевой,

цветной стереоскопический ощущальный фильм с синхронным органо-запаховым сопровождением» [там же, с. 284] о любви негра и блондинки или угаданное им сведение культуры к «эмоциональной инженерии». Иной раз глубже и вернее выглядит Е. Замятин, например, в предсказаниях космической эпохи и даже в описаниях заатмосферного пространства, которое до 60-х годов XX века никто из людей не мог наблюдать: «нестерпимо яркая, чёрная звёздная солнечная ночь» [там же, с. 14].

Из рассматриваемых антиутопий «О дивный новый мир» О. Хаксли, пожалуй, самая «ненасильственная», а его «будущее общество» – самое терпимое, даже, на наш взгляд, самое гуманное. Здесь нет «полиции мысли», системы доносов, тюрем, пыток, «двухминуток ненависти», то есть всего того, что присутствует в антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Здесь нет и хирургических вмешательств в мозг и психику людей, которые описывает Е. Замятин в «Мы».

Бросается в глаза то, что в обеих книгах изображена жесточайшая диктатура, которую возглавляет у Е. Замятина Благодетель, у Дж. Оруэлла – Старший Брат. И там, и там – пытки и казни; у Дж. Оруэлла они изощреннее. У Дж. Оруэлла есть ещё одно новшество: переделка прошлого в угоду сегодняшнему дню. Герой романа этим занимается по должности: вносит исправления в старые газеты. В обоих романах любовь толкает к протесту, а протест подавляется государством – у Е. Замятина уничтожением способности к фантазированию, у Дж. Оруэлла – перевоспитанием в Министерстве любви. Там герою внушают любовь к Старшему Брату. Отныне он послушен, всем доволен и ни о чём не думает самостоятельно.

Мир Е. Замятина наполнен ужасами не меньше, чем мир «1984». Дж. Оруэлл изложил в своем эссе краткий список этих ужасов, так что эссе сейчас читается как конспект «1984». Члены общества, представленные Е. Замятиным, пишет Дж. Оруэлл, «настолько потеряли свою индивидуальность, что различаются только по номерам. Они живут в стеклянных домах, чтобы политической полиции, известной под названием “Хранителей”, было легче за ними следить. Они носят одинаковую форму, и человеческое существо обычно называют “нумер” или “юниф”» [3, с. 306 – 307].

В замятинском обществе будущего так же, как и в «1984», половые сношения строго нормированы и разрешаются только как действие без всяких эмоций. Сексуальные игры не возбраняются и в среде оруэлловских «пролей». Для этого в «Министерстве Правды», то есть полной лжи, существует особый департамент «порносекса». Управляющий класс обречен на суровый

аскетизм. Внебрачные связи, особенно любовь, приравнены к тягчайшим преступлениям. Ослушников подвергают отвратительной пытке. Этим, в частности, занимается «Министерство Любви». Человек, предавший любовь, перестает быть человеком. Регламентация вседозволенности юридически ничем не отличается от запрета. Растление порнографией, массовые кампании зачатия от солдат – всё было опробовано на практике и всему нашлось место. Манипулирование сознанием автоматически предполагает и подавление подсознания, манипулирование инстинктом – сведение его к управляемому примитиву. «Мы» и «1984» различаются по отношению к сексу. «В “Мы” секс – развлечение, в “1984” – украденное удовольствие, которым наслаждаются где-то вдали от телеэкранов. Кажется, что Дж. Оруэлл стремится избавиться от присущего ему затертого пуританизма» [7, p. 132]. Однако интимная сфера вовлечена в общую схему тотальной организации, дезинформации и контроля в обоих романах.

Понимание свободы Е. Замятиным противоположно оруэлловскому. Свобода по Е. Замятину – это свобода распространять в печати мысль, что дважды два не равно четырём, которую свыше 99 процентов населения или вообще все «Мы», кроме самого распространителя, считают иррациональной, мнимой и ненужной.

Дж. Оруэлл вышел за пределы того круга, который очертила антиутопия до него. И О. Хаксли, и Е. Замятин, у которых Дж. Оруэлл учился, нарисовали мир, где все прекрасно, кроме одного – там нет уникальной личности. Все живут одинаково. Но все остальное прекрасно. Как указывает исследователь В.А. Чаликова, «люди сыты, одеты, румяны, нет войн, нищеты, нет горя, нет пороков. Такой цветущий мир, но, правда, скучный, пресный для бунтаря, анархиста, мятежника, чудака, поэта. Оруэлл же считал, что это нереально. Если люди будут хорошо жить материально, то терпеть тотальное управление они будут очень недолго. Они сбросят власть. Чтоб человек не сбросил узду власти, он должен быть полуголодным, он должен быть замордованным, затурканным, униженным, плохо одетым, вечно ищущим в магазинах шнурки для ботинок и принимающим все как подарок. Вот это прозрение писателя подтвердилось, и, если нас действительно ждет всемирный Чернобыль или всемирный СПИД, то лучше уж мир, который изобразил Хаксли или Замятин. Этот мир не самое плохое. А вот в мире Оруэлла никогда, ни при каких условиях никто жить не захочет» [5, с. 217].

Еще одной общей составляющей всех трёх антиутопических миров является жесткое кастовое деление. Общество, в котором миллионы воль слиты

в единую волю, нуждается в диктаторе, который бы эту волю направлял. Поэтому речь здесь идет уже не о юридическом, экономическом неравенстве, а о неравенстве внутреннем, предполагающем деление людей с самого рождения на тех, в чьих руках будет безграничная власть, и на тех, чей удел – безграничное повиновение.

Так в антиутопическом обществе «Дивного нового мира» количество каст уже значительно больше. Есть здесь свои Великие Инквизиторы, то есть Верховные Контролеры (они же Хранители во главе с Благодетелем из романа «Мы», они же члены внутренней партии во главе со Старшим Братом из романа «1984»).

«Идеальное» общество вышеназванных трёх антиутопий не может существовать без развитой системы доносов и взаимошпионажа. В антиутопическом мире из романа «Мы» каждый обязан доложить о любом подозрительном слове или поступке в Бюро Хранителей в течение 24 часов, а для удобства надзора люда помещены в прозрачные жилые помещения и лишь изредка, по особому разрешению, могут пользоваться «правом штор». «Среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли бы что могло быть. Возможно, что именно странные, непрозрачные жилища древних породили эту их жалкую клеточную психологию» [2, с. 138]. «Приходилось жить – и ты жил по привычке, которая превратилась в инстинкт, – с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое движение, пока не погас свет, наблюдают» [там же, с. 140], – это уже из жизни обитателей оруэлловского антиутопического общества. Стоит привилегированному «альфа плюсу» из романа О. Хаксли сказать несколько неосторожных слов в разговоре с возлюбленной, как это тут же становится известно Директору, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Е. Замятин, О. Хаксли и Дж. Оруэлл рисовали свои миры как антихристианские. Им не нужен Бог, не нужна вера во что-либо, кроме государства, а любовь к кому-нибудь, кроме власти опасна. Однако вакуум, остающийся после отторгнутого Бога, нуждается в заполнении и встает вопрос веры.

В замятинском государстве роль богов взяли на себя государство и его слуги-вожди. Появились суррогаты религии: регламентирующая жизнь Скрижаль; «нежно-грозные архангелы, приставленные от рождения к каждому человеку». В романе О. Хаксли «роль религиозных отправлений исполняют сходки единения, куда должен являться некий верховный организм» [6,

с. 174]. При оруэлловском Ангсоце потребность в вере удовлетворяется за счет партийного идола – Старшего Брата, которому все должны поклоняться.

О. Хаксли, Дж. Оруэлл и Е. Замятин рассматривали свои антиутопические миры как развитие тенденций, присутствующих в реальной жизни. Эти тенденции отметил еще Н. Бердяев [1]: народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога. Народ из периода теллурического, когда он жил под мистической властью земли, перешел в период технический, когда он поверил во всемогущество машины и стал относиться к машине, как к тотему.

Вот Благодетель из замятинского романа «Мы» объясняет, что господствующая система «программирования» человеческой личности первоначально не была навязана сверху, но была порождена извечным стремлением самих людей к определенности: «О чем люди – с самых пеленок – молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз и навсегда сказал им, что такое счастье, – и приковал их к этому счастью на цепь» [2, с. 197]. Так уж устроен человек, что очень часто в нем сочетаются стремление к счастью даже ценой отречения от свободы, страх перед свободой – и одновременно потребность в ней. В художественном мире замятинского романа в душах осчастливленных Благодетелем людей постепенно зарождается несогласие с обезличивающей их системой (герой-рассказчик не идет доносить в Бюро Хранителей на свою возлюбленную; врач спасает от Великой Операции по удалению фантазии человека с зародившейся душой); постепенно эпидемия страшного заболевания под названием «душа» становится массовой, и зреет заговор, поставивший на карту само существование Единого Государства. На конфликте между прозревшей личностью и тоталитарным «ангсоцем» держится и сюжет романа Дж. Оруэлла. О. Хаксли также признавал сосуществование в человеческой душе этих двух противоположно направленных тенденций. В романе «О дивный новый мир» тоже представлена борьба сил, утверждающих антиутопические структуры, и сил, эти структуры отрицающих. Здесь даже присутствует элемент стихийного бунта – Дикарь с криком: «Я пришел дать вам свободу!» [2, с. 313] – пытается сорвать раздачу государственного наркотика – сомы (правда, этот бунт, в отличие от заговора в антиутопическом мире Е. Замятина, не потрясает основ антиутопического общества).

Всеобщее принудительное счастье во всех трех антиутопиях достигается просто: «Мы помогли Богу окончательно одолеть диавола <...>, мы сапожищем ему на головку труах! И готово: опять рай <...>. Никакой этой путаницы о добре, зле» [там же, с. 201]. Стабилен и удобен «Дивный новый мир», люди живут «в достатке и безопасности, не боятся смерти, блаженно не ведают страсти» [там же, с. 312]. В предельном варианте то, как будет выглядеть мир, показывает Дж. Оруэлл.

В основе антиутопического мира романа О. Хаксли лежит следующий императив: «Все формы индивидуальной жизни <...> должны быть строго регламентированы. Мысли, поступки и чувства людей должны быть идентичны, даже самые сокровенные желания одного должны совпадать с желаниями миллионов других. Всякое нарушение идентичности ведет к нарушению стабильности, угрожает всему обществу» [там же, с. 274]. В «Дивном новом мире» О. Хаксли, как и в романе Е. Замятина «Мы», эта идентичность достигнута: «Все счастливы. Все получают то, чего хотят, и никто не хочет того, чего он не может получить. Они обеспечены, они в безопасности; они никогда не болеют; они не боятся смерти; им не досаждают отцы и матери; у них нет жен, детей и возлюбленных, могущих доставить сильные переживания. Мы адаптируем их, и после этого они не могут вести себя иначе, чем так, как им следует» [там же, с. 280].

Антиутопии Е. Замятина, Дж. Оруэлла и О. Хаксли изображают настроения настоящего и картины будущего схоже. Эта трилогия может быть названа «антиутопией середины двадцатого века». Важный момент всех трёх антиутопий в том, чтобы не только показать будущее, к которому мы двигаемся, но и объяснить исторический парадокс. Е. Замятин, О. Хаксли и Дж. Оруэлл рассматривали свои антиутопические миры как возможное следствие развития тенденций, присутствующих в реальной жизни.

Центральный конфликт всех трёх антиутопий – конфликт между силами, утверждающими антиутопические структуры, и силами, которые противостоят этим структурам. «Мы», «1984» и «О дивный новый мир» предупреждают об опасности общества роботов, потерявших последние следы любви, критического мышления, и даже не осознающих этого из-за «двоемыслия». Все три антиутопии – это романы-предупреждения, повествующие о всечеловеческой опасности утраты индивидуальности, возникающей в обществе победившей технократии.

Литература

1. *Бердяев Н.* Русская идея. – Париж, 1971.
2. *Замятин Е.* Мы: роман; Хаксли О. О дивный новый мир: роман. – М.: Художественная литература, 1989. 351 с.
3. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. / сост. В.С. Муравьев; предисл. А.М. Зверева. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
4. *Спивак М.* «Лазурное блаженство забытья»: детство в антиутопиях XX века // Детская литература. – 1989. – № 9. – С. 18 – 24.
5. *Чаликова В.А., Недошивин В.М.* Неизвестный Оруэлл // Иностранная литература. – 1992. – № 2. – С. 215 – 225.
6. *Шохина В.* На втором перекрестке утопий // Звезда. – 1990. – №11. – С. 171 – 179.
7. *Hollis Ch.* A Study of George Orwell. – London: Hollis and Carter, 1956. – 389 p.
8. *Woodcock G.* Anarchism. – Harmondsworth, 1975. – 176 p.

Половцев Денис Олегович – заведующий кафедрой иностранных языков, УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

Адрес для корреспонденции: 33, Московский проспект, 210038, г. Витебск, Беларусь.

Тел.: +7(499) 245-08-14.

E-mail: dzianispol@list.ru

WORLD AFTER CHRISTIANITY: ANTHROPOLOGICAL CATASTROPHE IN E. ZAMYATIN'S, G. ORWELL'S AND A. HUXLEY'S DYSTOPIAS

Denis Polovtsev

Abstract. E. Zamyatin's, G. Orwell's and A. Huxley's dystopias portray the mood of the present and future visions similarly. This trilogy can be called "the dystopia of the mid-twentieth century". An important point of all the three dystopias is to portray not only the future which we are approaching, but also to explain the historical paradox. All these three dystopias are warning novels revealing the entire human danger of losing individuality arising in the consequences of technocratic thinking.

Keywords: E. Zamyatin, A. Huxley, G. Orwell, dystopian novel, personality, society.

References

1. Berdyaev N. *Russkaya ideya* (Russian Idea). – Paris, 1971.
2. Zamyatin E. *Myi: roman*; Haksli O. *O divnyiy novyiy mir: roman*. - Moscow: Hudozhestvnaya literatura, 1989.
3. Oruell Dzh. *«1984» i esse raznyih let* («1984» and essay of different years). – Moscow: Progress, 1989.
4. Spivak M. *«Lazurnoe blazhenstvo zabyitya»: detstvo v antiutopiyah XX veka* // Detskaya

lieratura (A Child's Literature - Literary journal). – 1989. – № 9.
5. Chalikova V.A., Nedoshivin V.M. *Neizvestnyiy Oruell* // Inostrannaya literature (A Foreign Literature- Literary journal). – 1992. – № 2.
6. Shohina V. Na vtorom perekrestke utopiy // Zvezda (A Star - Literary journal). – 1990. – № 11.
7. Hollis Ch. *A Study of George Orwell*. – London: Hollis and Carter, 1956.
8. Woodcock G. *Anarchism*. – Harmondsworth, 1975.

Polovtsev Denis Olegovich – Head of the Department of Foreign Languages, Vitebsk P.M. Masherov State University, Candidate of Philology, Associate Professor (Vitebsk, Belarus).
The address for correspondence: 33, Moskovsky Ave., 119121, Vitebsk, Belarus.
Phone: +375(212) 58-96-73.
E-mail: dzianispol@list.ru

© Половцев Д.О., 2014. *Поступила в редакцию 15.06.2014.*